

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К НОРМАМ ПРАВСТВЕННОСТИ В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Веками складывавшийся менталитет русского народа, его эстетический идеал и нравственные ориентиры отражены в лексической системе языка, в частности, в диалектной системе. Без глубокого всестороннего знания лексики народных говоров наше представление об облике русского человека, о его национальном характере оказалось бы существенно обедненным, ибо «вся многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное отражение в диалектной лексике» [11, с. 344].

Материалом представленного исследования стали данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и включает в себя как общерусскую, так и собственно диалектную лексику, собранную по Программе Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), отражающую современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX в. Для выявления своеобразия лексики говоров Ивановской области, общих и отличительных черт в сравнении с говорами других областей мы обратились к Словарю русских народных говоров (СРНГ), Ярославскому областному словарю (ЯОС) и данным словарной картотеки ЛАРНГ. Предпочтение, отданное системному подходу к описанию лексики говоров, предполагающему «равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия» [7, с. 329], позволяет наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира представителей русского языкового социума, в нашем случае сельских жителей Ивановского края.

Особенности русского мировоззрения отражает значительное количество наименований в говорах, связанных с представлениями человека о морально-нравственных ценностях. Резкое осуждение в обществе вызывают люди, поведение которых отмечено такими пороками, как развратность, волокитство, пьянство, беспутство. Указывая на разнообразные предосудительные черты поведения, обличая и осуждая отклонения от этических норм, диалектоносители придают большое значение вопросам нравственного воспитания, соблюдению правил приличия в обществе. Как отмечает Т.И. Вендина, в русских диалектах наблюдается обилие имен с отрицательной оценкой, что позволило А. Вежбицкой говорить о гиперболизации моральных оценок в русском языке и охарактеризовать этот факт как «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [1, с. 29].

В ивановских говорах находим ряд наименований человека с недостойным поведением, образующих лексическое множество, включающее следующие лексико-семантические группы: 'бесстыдник / бесстыдница': *айяйя 'йка, бессты 'дник, бессты 'жий, вячю 'нка, наха 'лка, оха 'льник, позо 'рник, срамни 'к (срамни 'ца), яма 'нка*; 'гуляка, человек, ведущий праздную и разгульную жизнь': *вислю 'га, гулё 'на, гуля 'ка, моту 'н, шату 'н, шлё 'нда*; 'пьяница': *алка 'и (алка 'шка), булды 'га, глохту 'н, глохту 'и, забалды 'га, забулды 'га, загу 'ла, запо 'йщик, отхо 'ды челове 'ческие, пито 'к, пропо 'ец, пропо 'йца, пропо 'йщица, пъя 'ница, пъянчу 'га, пъянчу 'жка, пъянь, пъянь подзабо 'рная*; 'распутник / распутница': *беспу 'тник (беспу 'тница), блудни 'ца, блудня, гуля 'щая, лиходе 'йка, потаску 'н (потаску 'ха), потаску 'шка, распана 'й, шату 'н (шату 'шка), шлю 'ха*. Большинство из приведенного списка слов имеют широкое употребление как в говорах, так и в просторечии.

Так, в говорах Ивановской области имеются однокоренные лексические единицы, зафиксированные в литературном языке, – *бессты 'дник* 'бесстыдный человек, тот, кто нарушает правила пристойности' с пометой *разг.* [5, 1, с. 86] и *бессты 'жий* 'непристойный' с пометой *прост.* [5, 1, с. 86], ср.: *И не стыдно вам, пра, бесстыдники? Постыдились бы так вести себя... Люди спят уже, а вы галашитесь тут, орёте* (Шуйский р-н); общенародное слово *наха 'лка*, являющееся производным к *наха 'л* 'беззастенчивый, бесцеремонный человек, наглец' [5, 2, с. 410], служащее наименованием женщины недостойного поведения, ср.: *Нахалка, говорю, ни стыда ни совести* (Родниковский р-н), и просторечное существительное *оха 'льник* 'озорник, нахал, бесстыдник' [5, 2, с. 727], ср.: *А ему, видать, хоть бы что, охальнику* (Шуйский р-н).

В значении 'бесстыдник / бесстыдница' в говорах Лухского и Тейковского районов известны существительные *срамни 'к (срамни 'ца)*, ср.: *У нас много сейчас таких срамников; Срамница, если бесстыжая-то* (Тейковский р-н), мотивированные глаголом *срамни 'чать* 'поступать бесстыдно, неприлично, похабничать' Даль [9, 40, с. 304]. Лексема *сра 'мница* встречается в свердловских говорах в

значении 'неряха, нечистоплотная хозяйка', ср.: *Срамница, необходимница, грязнуля она*. Нижнетурин. Свердлов. [9, 40, с. 304], мотивирована глаголом *срами́ть* 'грязнить, мусорить' Яросл. [9, 40, с. 304]. Указанные однокоренные лексемы восходят к общенародному слову *срам* 'стыд, позор' с пометой *разг.* [5, 4, с. 237], 'мусор, сор', ср.: *Посмотри, сколько сраму в избе*. Ильин.-Хован. Иван. [9, 40, с. 304]. Для русской ментальности характерно единство этического и эстетического, именно поэтому, на наш взгляд, оба значения связаны друг с другом общей семей 'нечистоплотность', которая может выражаться как во внешнем облике человека (неряшливый вид), так и характеризовать человека по внутренним качествам, указывая на несоответствие этическим нормам (позорное, недостойное поведение).

От просторечных глаголов образован ряд лексем, известных как ивановским, так и большинству народных говоров: существительные общего рода *гулё́на* (Лухский, Фурмановский р-ны, ярославские, рязанские, вологодские, орловские, воронежские, пермские, тульские, курские, волгоградские говоры), *гуля́ка* (Родниковский р-н, ярославские, костромские, московские, вологодские, тверские, нижегородские, воронежские, тульские, пензенские, самарские, орловские, курские, ростовские, волгоградские говоры), *шлѐ́нда* (Фурмановский, Тейковский р-ны) мотивированы глаголами *гуля́ть* 'веселиться, развлекаться; кутить' с пометой *прост.* [5, 1, с. 357] и *шлѐ́ндать* 'ходить без дела, слоняться, шататься' с пометой *груб. прост.* [5, 4, с. 722]; существительные мужского рода *моту́н* и *шату́н* (Комсомольский р-н, костромские, нижегородские, волгоградские говоры) – глаголами *мота́ться* 'скитаться, бродить, слоняться' с пометой *прост.* [5, 2, с. 303], *шата́ться* 'бродить без дела, болтаться, слоняться' с пометой *прост.* [5, 4, с. 704], ср.: *Ему-то шлѐнде по жизни и не повезло, женился на гулёне, да так и разбежались* (Фурмановский р-н); *Говорю я Кольке своему: «Гулёна ты! Все ночи на дискотеки ходишь, а днѐм-то спишь!»* (Волгоградская обл., Тарногский р-н); *Гулёна он, нигде не работает, только с друзьями шастает* (Орловская обл., Шаблыкинский р-н); *И праздник, и не праздник, а гуляка шатается* (Костромская обл., Мантуровский р-н) [4]. В ярославских, тверских, владимирских, саратовских, свердловских говорах слово *гулё́на* имеет значение 'распутница', в орловских говорах – 'женщина, родившая вне брака', ср.: *Беда как да эдакая кому попадѐт гулёна! – намается*. Поших. Яросл. [9, 7, с. 214]. В костромских говорах лексема *гулё́на* зафиксирована в значении 'женщина дурного поведения', ср.: *Эта девка – гулёна, всё к мужикам бегаёт* (Костромская обл., Островский р-н); *Гулёна она, всё время где-то шастает по ночам* (Костромская обл., Шарьинский р-н); *Вот Матвеевна-то, чего греха таить, такая гулёна была* (Костромская обл., Антроповский р-н); в московских лексема *гуля́ка* – 'человек, который живет весело, вино пьет', ср.: *Снова наш гуляка возвратился грязный весь* (Московская обл., Ступинский р-н) [4]. В народных говорах известно существительное *моту́н* в различных значениях – 'мот, расточитель' Киргиз., 'бесчестный человек' Свердлов., 'непостоянный, безалаберный человек' Тюмен. [9, 18, с. 305].

Одним из человеческих пороков является пьянство. Поскольку известно, что «все негативное в языке фиксируется подробнее, тщательнее, разнообразнее» [6, с. 187], то человек, у которого наблюдаются зависимость и неодолимая тяга к употреблению спиртных напитков, оценивается диалектоносителями крайне отрицательно.

В литературном языке ряд синонимов с указанным значением включает следующие слова общего рода: *пья́ница* 'тот, кто постоянно и много пьет спиртного; алкоголик'; *пьянчу́га* и *пьянчу́жка* 'пьяница' с пометой *прост.* [5, 3, с. 571]; *пропо́йца* 'спившийся человек; пьяница' с пометой *прост.* [5, 3, с. 512]; *выпиво́ха* 'любитель выпить, пьяница' с пометой *груб., прост., презр.* [5, 1, с. 270]; *запиво́ха* 'любитель выпить, пьяница' с пометой *груб., прост.* [5, 1, с. 556]. Как видим, данные существительные являются стилистически маркированными, что расценивается как «понижение на аксиологической шкале» [8]. Семантической доминантой приведенной синонимической парадигмы является общенародное слово *пья́ница*, лексическое значение которого, согласно данным толковых словарей, объединяет семы 'лицо', 'мужского или женского пола', 'пьющее спиртное (хмельное, вино, водку)', 'в большом количестве', 'постоянно'. При употреблении данного слова актуализируются две последние семы, что ведет к выражению следующей культурной установки: недостойно человека употреблять спиртные напитки, как в неограниченном количестве, так и очень часто, беспрестанно; это может привести к социальной и интеллектуальной деградации личности, потере способности к труду, ср.: *Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке* [2, 2, с. 379]; *Напившись, мужик и за реку (за репу) дерется; Хорошо (было) ремесло, да хмелем заросло (поросло)* [2, 2, с. 388].

Наиболее близкими слову *пья́ница* в ивановских говорах являются однокоренные существительные общего рода *пьянчу́га*, *пьянчу́жка*, *пьянь*, зафиксированные также в костромских, ярославских, курских, орловских, пензенских, пермских, волгоградских говорах, ср.: *Да пьянчуга она, а никакая не больная*.

Работать-то лень, лучше вино лопать, видать. Выправила группу и рада; А пьянчугам-то не всё ли равно, чего лопать, лишь бы налопаться; Да нашла какого-то пьянчужку, видать, алкаголика какого-то, не знаю, да и живёт с ним (Шуйский р-н); Вон пьянчуга пошёл (Пензенская обл., Лунинский р-н); С такой-то жизни пьяни развелось, что ни дом, то пьянчужка (Костромская обл., Сусанинский р-н); Ну и пьянь кругом (Орловская обл., Колпьянский р-н) [4]. Данные слова имеют ярко выраженный коннотативный компонент лексического значения: характеризуются презрительной эмоциональной тональностью.

Ивановским говорам известны слова *пропо'ея, пропо'йца, пропо'йщица* 'пьяница', ср.: *Раньше на него любо-дорого глядеть было, а теперь пропойца пропойцей. Всё, считай, пропил, ничего теперь не надо стало, лишь бы напиться где (Шуйский р-н).* Указанные лексические единицы мотивированы глаголом *пропи'ть (пропива'ть)* – 'тратить на пьянство, терять деньги или вещи на вино // пропить все свое, что есть', ср.: *Шанку за пазухой ношу: уж такая натура, что с головы пропью!* [3, 3, с. 659].

По данным словарной картотеки ЛАРНГ существительное мужского рода *пропо'ея* отмечено также в ярославских, костромских, пензенских, курских, самарских, саратовских, карельских, удмуртских говорах, ср.: *Меня бабка пропойцем зовёт (Республика Карелия, Пудожский р-н); Все нервы пропоец измотал (Костромская обл., Красносельский р-н); У кумы муж пропоец был (Республика Удмуртия, Ярский р-н) [4].* Практически повсеместно в народных говорах (ярославских, рязанских, костромских, нижегородских, московских, курских, тульских, тверских, пензенских, самарских, пермских, вологодских, волгоградских) употребляется существительное общего рода *пропо'йца*, ср.: *Пропойца вечно с бутылкой (Тульская обл., Киреевский р-н); А что жена бастанит, оттого, что сам грешу, пропойца (Ярославская обл., Ростовский р-н); Ну, он пропойца беспробудный (Костромская обл., Галичский р-н); Что ни мужик русский, то пропойца, мать родную пропёт (Пензенская обл., Тамалинский р-н); Пропойца всё из дома несёт (Пензенская обл., Заметчинский р-н); Пропойца, он вино любит до страсти (Московская обл., Загорский р-н); Ой жалко Людку, с таким пропойцем живёт (Вологодская обл., Бабаевский р-н) [4].* Как наименование женщины, употребляющей алкоголь в безмерном количестве, в говорах Лухского района встречается слово *пропо'йщица*, мотивированное однокоренным существительным *пропо'йщик* 'пьяница, пропойца', известным в курских, орловских, московских говорах, ср.: *Ступай пьяница домой. Ты пропойщик молодой (песня).* Даль [9, 32, с. 210], а также в ярославских, тульских, пензенских, самарских, волгоградских, ср.: *А на деревне почти все мужики пропойщики (Орловская обл., Глазуновский р-н); Сосед у меня – пропойщик: день и ночь пьёт, никак не успокоится (Тульская обл., Киреевский р-н) [4].*

Широкое распространение как в ивановских, так и в костромских, ярославских, нижегородских, тверских, тульских, пензенских, орловских, псковских, самарских, пермских, курских, волгоградских говорах, получило существительное общего рода *забулды'га* 'пьяница, пропойца' (в отличие от литературного языка, где оно называет лицо мужского рода и употребляется в значении 'беспутный, опустившийся человек' с пометой *прост.* [5, 1, с. 497]), ср.: *Такие молодые, а забулдыгами становятся (Тейковский р-н); Так он и шлёнда, забулдыга несчастный, так и помер от вина (Фурмановский р-н); Ты своим забулдыгам клюкнутым скажи, что б не шлялись больше тут (Шуйский р-н); Давно пора этого забулдыгу бросить (Тульская обл., Новомосковский р-н); Во забулдыга, пьёт и горя не знает! (Тульская обл., Узловский р-н); Забудыги они чаще всего лентяи (Пензенская обл., Мокшанский р-н); С утра уже глаза залил, забулдыга несчастный! (Костромская обл., Парфеньевский р-н); Вон сейчас сколько забулдыг по улицам шляются (Псковская обл., Себежский р-н); Пропадает мужик, совсем забулдыгой стал (Ярославская обл., Рыбинский р-н); Около ларька одни забулдыги (Костромская обл., Островский р-н) [4].* Данная лексема связана с глаголом *забуды'жить (забуды'жничать)* 'пьянствовать и распутничать' [3, 1, с. 709]. Для говоров Ивановской области характерно употребление фонетического варианта лексемы *забуды'га* – *забалды'га* (Савинский р-н).

Наличие соответствующих диалектных субстантивов свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в ивановских говорах этических представлений, человек должен избегать употребления спиртных напитков. Для традиционного русского мировоззрения характерно восприятие пьянства как порока, мешающего выполнению нравственных требований.

В говорах Лухского района для наименования человека, поведение которого является непристойным, употребляются существительные *беспу'тник* 'распутный, развратный человек', зафиксировано в смоленских, воронежских [9, 2, с. 276], ярославских, костромских, московских, нижегородских, рязанских, вологодских, волгоградских, курских, пермских, тульских, самарских говорах, ср.: *Беспутником всю жизнь он прожил (Нижегородская обл., Арзамасский р-н); Всю жизнь беспутником был, им и остался (Ярославская обл., Ростовский р-н) [4],* и *беспу'тница* 'распутная, развратная женщина',

также известно в ярославских, костромских [9, 2, с. 276; 13, 1, с. 57], рязанских, воронежских, курских, ростовских, тульских, волгоградских, самарских говорах, ср.: *Молодая у него беспутница, так привёл в дом* (Воронежская обл., Верхнехавский р-н) [4]. Указанные лексемы мотивированы общеупотребительным прилагательным *беспу'тный* 'лишенный разумной цели, разумного основания, безрассудный, бестолковый // легкомысленный, разгульный, развратный' [5, 1, с. 84]. Интересно отметить, что слово *беспу'тник* в архангельских говорах имеет значение 'человек, у которого хозяйство находится в запущенном состоянии' [9, 2, с. 276]. Соединение в одной лексеме нескольких семантических компонентов вскрывает причинные отношения между характеристиками человека, выявляет зависимость одного признака от другого: легкомысленное, безрассудное поведение может привести к отсутствию порядка в делах, бесхозяйственности.

Общенародному языку известны однокоренные существительные *блудни'ца* 'распутница, развратница' с пометой *устар.* и *блуд'ня* 'тот, кто блудит' с пометой *прост.* [5, 1, с. 99], бытующие наряду с ивановскими в костромских, ярославских, ростовских, рязанских, волгоградских, пензенских и других говорах, ср.: *Ах ты, блудница, как же тебе не стыдно перед людьми-то. Коли самой не совестно, мать хоть бы пожалела, она всю жизнь честной была* (Юрьеvecкий р-н); *Забулдыгами становятся и блуднями* (Тейковский р-н); *Блудница, которая в Москве на Арбате* (Пензенская обл., Мокшанский р-н); *В девках родила, блудница вроде* (Пензенская обл., Заметчинский р-н); *И живёт же блудня на свете!* (Волгоградская обл., Новониколаевский р-н); *Ой блудня, опять к другу побежала* (Вологодская обл., Бабаевский р-н); *Блудня девка, с женатым мужиком иляется* (Костромская обл., Антропоский р-н); *Ходют тут блудни всякие* (Ярославская обл., Ростовский р-н); *Наша кошка – блудня* (Костромская обл., Буйский р-н); *А если жена гуляет, то блудня* (Пензенская обл., Лопатинский р-н) [4]. По данным диалектных словарей (СРНГ и ЯОС) указанные наименования встречаются в говорах с различной семантикой, так *блудни'ца* – 'о вороватой кошке', ср.: *У нас кошка такая блудница, ничего нельзя оставить* [13, 1, с. 64], 'проказница, пакостница', ср.: *А вы красны девицы, молоды-молодицы, дочери отецки, жены молодецки, криноцни блудницы, сметаны лакомницы, горшешни пагубницы* (из присказок-прибауток дружки на свадьбе). Красноуфим. Перм. [9, 3, с. 30]; *блуд'ня* – 'распутный человек', ср.: *Нашла она какогото блудню; Вон блудня идёт* (о женщине), 'вор', ср.: *У нас сосед страшный блудня: лазит по чужим огородам* [13, 1, с. 64], 'тот, кто мало бывает дома, любит уходить из дома' Свердлов., 'шалун, проказник; шалунья, проказница' Ср. Урал., Нижегород., Тамб., Влад., Новг., Перм. [9, 3, с. 30]. По своему происхождению рассматриваемые лексемы могут быть связаны с древнерусским полисемантным глаголом *блуди'ти* 'заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины', 'прелюбодействовать, распутничать', 'пакостить, причинять ущерб (о животном)' [10, 1, с. 244-245], в значениях которого актуализируется общая сема 'уклонение от прямого пути'. Таким образом, диалектоносителями признается ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека.

Женщину, ведущую распутный образ жизни, в Родниковском районе называют *гуля'щая*, ср.: *Гулящая она баба, стыда совсем нет* (Родниковский р-н). Это слово мотивировано глаголом *гуля'ть* в значении 'находиться в близких, любовных отношениях // вести распутный образ жизни' с пометой *прост.* [5, 1, с. 357], присутствует в ярославских, костромских, нижегородских, тульских, орловских, волгоградских говорах как в форме женского, так и мужского рода – *гуля'щий*, ср.: *Верка хоть баба и гулящая, а за мужем и детьми ухаживает от и до; Муж у ней первый был гулящий, за каждой бабой бегал* (Орловская обл., Глазуновский р-н) [4].

Ярко выраженную отрицательно оценочную коннотацию имеет ряд однокоренных дериватов с различным суффиксальным оформлением – *потаску'н* 'тот, кто ведет себя развратно, беспутно', *потаску'ха*, *потаску'шка* 'женщина, ведущая себя развратно, беспутно', ср.: *Что ты себя как потаскушка какая ведёшь? Не хорошо; Одедась, как потаскушка, и думает сильно хорошо. Гляди-ко, мода какая... Ляжки-то выставила, пузо голое, и смотрите на её* (Шуйский р-н), представленных в словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой с пометой *прост. презр.* Данные лексемы широко известны в костромских, ярославских, вологодских, пермских, волгоградских и других народных говорах, ср.: *Потаскун привязался к бабке* (Свердловская обл., Ачитский р-н); *Этого потаскуна сильно тогда избил* (Вологодская обл., Череповецкий р-н); *Он ведь вроде раньше такой потаскун не был* (Вологодская обл., Кичменгско-Городецкий р-н); *Муж-то у ней непутный, потаскун страшный, всё по юбкам иляется* (Нижегородская обл., Лукояновский р-н); *Эту потаскуху гнать в три шеи, чтобы мужиков не сбивала* (Костромская обл., Костромской р-н); *Вон потаскуха-то живёт* (Костромская обл., Судиславский р-н); *Была потаскухой, такой и осталась* (Костромская обл., Красносельский р-н); *Как глаза твои только глядят, потаскуха бесстыжая* (Орловская обл., Колпийанский р-н); *Ты в наш дом потаскух не води* (Тульская обл., Новомосковский р-н); *Эта потаскуха всё с разными мужиками гуляет* (Вологодская обл., Кирилловский р-н); *Не сложилась жизнь, жена потаскушкой оказалась* (Костромская обл., Нерехтский р-

н); *Её подруги – одни потаскушки* (Костромская обл., Островский р-н) [4]. Указанные субстантивы мотивированы глаголом *потаску'иничать* 'развратничать и праздно шататься' [3, 3, с. 463]. В значении 'человек, слоняющийся без дела' наименования встречаются в костромских, калужских, курских говорах [9, 30, с. 268].

Вероятно от просторечного глагола *шля'ться* 'ходить, бродить, переходить с места на место без особого занятия, дела, слоняться' [5, 4, с. 724] образовано общенародное слово *шлю'ха* 'женщина легкого поведения, развратница' с пометой *зруб. прост.* [5, 4, с. 704], зафиксированное как в ивановских, так и в ярославских, курских говорах, ср.: *Распутных обсуждали, ругали и звали по-злomu – шлюхи* (Шуйский р-н). Необходимо сказать еще об одном значении данной лексической единицы, которое приводит В.И. Даль, – 'женщина неряха, одетая кой-как, небрежно, грязно; шлѣнда с грязным подолом' [3, 4, с. 729]. Разные значения этой лексемы включают общую сему 'нечистота', с одной стороны, проявляющейся во внешнем облике человека, с другой, – в безнравственном поведении.

Общенародному языку известна лексема *лиходе'йка* 'злодейка' с пометой *устар.* и *народно поэт.* [5, 2, с. 189], зафиксированная в ивановских говорах как 'женщина, отбивающая у других мужей', ср.: *Самогоночку не пью, Боюся заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюся разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – 'соперница' [9, 17, с. 78]. Отрицательная семантика наименования связана с глаголом *лиходе'йствовать* (*лиходе'йничать, лиходе'ить*) 'делать зло, вредить' [3, 2, с. 335], а также обращает нас к значению древне-русского существительного / наречия *лихо* 'зло, злое дело' / 'плохо, дурно' [12, 15, с. 90], известным в народных говорах – сущ. 'злая судьба' Пск., Смол., 'горе, печаль' Волог., Арх., Ворон., Курск., 'досада, неудовольствие' Влад., 'обида' Арх.; нареч. 'тяжело, плохо, больно (физически или морально)' Волог., Костром., Яросл., Влад., Пск., Арх., Перм., Урал. и т.п., 'противно, неприятно' Вят., Перм., Свердл., Tobол. и т.п., 'обидно, досадно' Волог., Сев.-Двин., Вят., Перм., Пск., Смол., Калуж. и т.п., 'нехорошо, злобно; лукаво' Влад., Яросл., Волог., Арх. [9, 17, с. 76].

Рассмотрение даже нескольких лексических множеств со значением характеристики человека по отношению к нормам нравственности позволяет сделать следующие выводы: моральные суждения – заметная черта русской ментальности, особенно присущая сельским жителям с их патриархальным укладом жизни; отсутствуют четкие границы в значении слов (семантические поля обмениваются смысловой энергией со смежными, соседними полями, создавая плавную цепь взаимопереходов и перекрывающие друг друга ареалы); большинство слов имеет широкое употребление как в говорах, так и в просторечии. Тенденция к нивелированию диалектной речи под влиянием просторечия и литературного языка приводит к постепенной утрате традиционной диалектной лексики, таким образом, в настоящее время можно говорить о существовании полудиалекта, проявившегося в особенностях лексического состава данной тематической группы.

Список использованной литературы

1. Вендина Т.И. Ценности и оценки в пространстве словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 24-34.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2-х т. СПб.-М., 1879.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1903.
4. Картотека ЛАРНГ – в словарном отделе Института лингвистических исследований РАН. СПб.
5. МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1-4. М., 1985-1988.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А.Маслова. М., 2001.
7. Попов И.А., Азарх Ю.С., Вендина Т.И. и др. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов. М., 1993.
8. Складаревская Г.Н., Шмелева И.Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С.88-94.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1-43. М., Л., СПб., 1965-2010.
10. СРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. М., 1975-2008.
11. Филин Ф.П. О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
12. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-32. М., 1974-2005.
13. ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1-10. Ярославль, 1981-1991.